

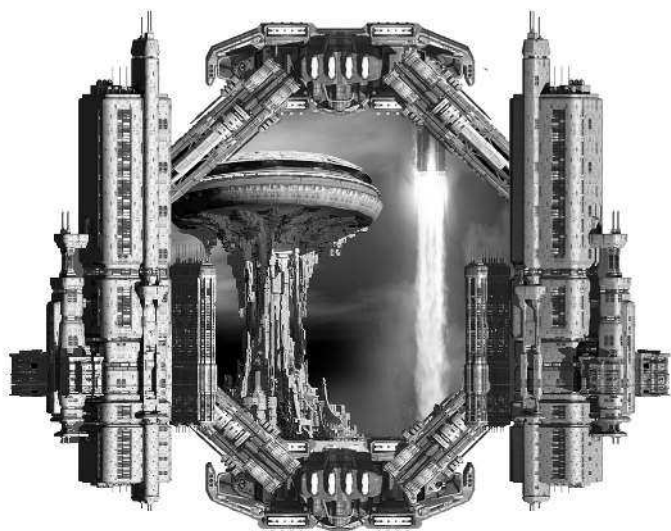
fan_zon

Lavie Tidhar

CENTRAL STATION

Леви Тидхар

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

fanzon
МОСКВА 2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Т39

Lavie Tidhar

CENTRAL STATION

Copyright © 2016 by Lavie Tidhar

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов,
Zeno Agency Limited (Великобритания) при содействии Агентства
Александра Корженевского (Россия).

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Николая Плутоксина*

Тидхар, Леви.

Т39 Центральная станция / Леви Тидхар ; [пер. с англ.
Н. Караева]. — Москва : Эксмо, 2018. — 304 с.

ISBN 978-5-04-092881-1

250 000 мигрантов остались жить у подножия гигантского космического вокзала. Культуры сплелись вместе, как реальность и виртуальность. Город вокруг продолжает расти, словно сорняк.

Жизнь дешева, а инфля ничего не стоит.

Борис Чонг возвращается домой с Марса. Много изменилось. У него появился ауг — марсианский симбионт, меняющий восприятие. Бывшая любовница воспитывает странного ребенка, способного «касаться» сознанием потоков данных. Двоюродная сестра влюблена в работника — поврежденного киборга, ветерана войн, о которых уже никто не помнит. Отец неизлечимо болен раком памяти. А следом за Борисом тайно прилетает инфо-вампир.

Над ними всеми возвышается Центральная станция, межпланетный узел между Землей и космическими колониями, куда человечество во всем своем многообразии ушло, чтобы избежать войн и бедствий. Все связано с Иными, могущественными сущностями, которые через Разговор, глобальную сеть потока сознания, вызывают безвозвратные изменения.

Люди и машины Центральной станции продолжают приспосабливаться, процветать и эволюционировать...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Караев, перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-092881-1

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
СТАНЦИЯ**

ЯФФА-ТЕЛЬ-АВИВ/ ИУДЕО-ПАЛЕСТИНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

7
ЯФФСКАЯ ДОРОГА

ДМЗ

РАЙОН
ФЛОРЕНТИН

ЗОНА ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ
(ИСКАТЕЛИ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ)

УЛИЦА САЛАМЕ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
СТАНЦИЯ

ЗАБРОШЕННЫЙ
ХАЙВЕЙ

- ☆ ВХОД В ЦЕНТРАЛЬНУЮ
СТАНЦИЮ
- ВЕРХНИЙ ЯРУС ЦЕНТРАЛЬНОЙ
СТАНЦИИ
- 1. ЧАСОВНЯ СВ. КОЭНА
- 2. ЛАГЕРЬ РОБОТНИКОВ
- 3. УЛИЦА НЕВЕ-ШАНААН
- 4. СТАРАЯ ЯФФА
- 5. РАЗВЯЗКА
- 6. ЧАСОВАЯ БАШНЯ
- 7. УЛИЦА АЛЛЕНБИ
(К РЫНКУ КАРМЕЛЬ)
- 8. РАЙОН НЕВЕ-ЦЕДЕК
(КРИОГЕНИКА)

ПРОЛОГ

Впервые я прилетел на Центральную зимой. На лужайке сидели африканские беженцы с невыразительными лицами. Они чего-то ждали, но чего — я не понимал. У скотобойни два филиппинских ребенка играли в самолеттики: разведя руки в стороны, жужжали, кружили и палили из воображаемых подкрыльных пулеметов. За прилавком филиппинец рубил мясницким ножом грудину, дробя мясо и кости на отдельные порции. Чуть дальше стоял лоток с шаурмой «Рош ха-Ир» — его дважды взрывали террористы-самоубийцы, однако он, как обычно, был приглашающе открыт. По шумной улице плыли ароматы бараньего жира и тмина; у меня засосало под ложечкой.

Светофоры мигали зеленым, желтым, красным. На той стороне улицы мебельный магазин выпростал на тротуар щупальце из безвкусных кроватей и стульев. Сбившиеся в стайку наркари болтали, сидя на обожженном фундаменте старого автовокзала. Я смотрел на мир сквозь темные очки. Солнце висело

Леви Тидхар

высоко в небе, и, хотя воздух был холодный, зима стояла средиземноморская — светлая и на тот момент сухая.

Я побрел по пешеходной улице Неве-Шанаан. Нашел укрытие в крохотном шалмане: пара деревянных столов и стульев, маленькая стойка, предлагающая пиво «Маккаби» и что-то еще. Нигериец за стойкой взирал на меня без всякого выражения. Я попросил пива. Сел, достал блокнот и ручку, уставился на страницу.

Центральная станция, Тель-Авив. Настоящее. Ну или одно из. Новая атака на сектор Газа, грядут очередные выборы, на юге, в пустыне Арава, строят массивную разделительную стену, чтобы остановить прибывающих беженцев. Беженцы уже в Тель-Авиве, скапливаются в районе старого автовокзала на юге города, 250 тысяч человек, экономические мигранты, селящиеся тут с молчаливого согласия горожан: тайцы, филиппинцы, китайцы. Я отхлебнул пива. Гадкое. Я стал буравить взглядом страницу. Моросило.

Я написал:

Некогда мир был молод. Корабли Исхода едва начали покидать Солнечную систему; еще не открыли планету Хэвен; доктор Новум пока не вернулся со звезд. Люди жили так, как жили всегда: под солнцем и дождем, любя и не любя, под голубым небом и в Разговоре, и это все о нас — всегда.

Так было на старой Центральной станции, в огромном космопорте, который возвышается над пейзажами-близнецами арабской Яффы и еврейского

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

Тель-Авива. Это случилось среди арок и бульжников, там, откуда до моря рукой подать: в воздухе витает запах смолы и соли, солнечные змеи и их крылатые серферы пикируют и вновь взмывают в небеса на рассвете.

Да, в то время появлялись удивительные дети: об этом вы еще прочтете. Вы, конечно, думали о детях Центральной. Думали вы и о том, как случилось, что стригу пустили на Землю. Центральная — лоно, из которого человечество выползло, цепляясь зубами и ногтями, к звездам.

Но это и отчий дом Иных, детей цифромирья. В каком-то смысле это и их история тоже.

Здесь тоже есть смерть, разумеется; без нее не обходится. И Оракул, и альте-захен Ибрагим, и многие другие, чьи имена могут быть вам знакомы...

Но вы и так это знаете. Вы наверняка видели «Возвышение Иных». Там рассказано обо всем, разве что герои — сплошь красавицы и красавицы.

Это случилось очень давно, однако наша память крепка; и мы шепотом пересказываем друг другу старинные истории, невзирая на эоны, и остаемся жить между звездами.

Все началось с мальчика: он ждал отца, который все не прилетал.

В старинных историях на Землю однажды падает человек со звезд...

ОДИН: Унижение дождем

Запах дождя застал их врасплох. Весна; аромат жасмина мешается с гулом электробусов; птичьими стаями кружат по небу солнечные глайдеры. Амелия Ко делает кваса-кваса-ремикс кавера Сьюзен Вонг на «Хочешь танцевать?» Первые серебряные пелены обрушиваются на город почти беззвучно; дождь глотает хлопки выстрелов, гасит горевший на улице багги, добирается до бездомного старика с рулоном туалетной бумаги в руке, присевшего по нужде у помойки, спустив серые портки до лодыжек; старик матерится, но беззлобно. Он привык к унижению дождем.

Некогда город получил имя Тель-Авив. К югу от него воспарила в атмосферу Центральная станция, опоясанная паутиной старинных малошумных хайвеев. Крыша станции вознеслась высоко и оттого невидима; ее машинно-гладкая поверхность принимает и отправляет в полет стратосферные транспорты. Вдоль тела станции пулями летают вверх и вниз лифты, а в самом нижнем аду вокруг космопорта су-

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ

етится под лютым средиземноморским солнцем рынок, наводненный коммерцией, гостями и горожанами, а также стандартным набором карманников и личинников.

Мы скользим с орбиты вниз, к Центральной станции, перепрыгиваем на уровень улицы и из проветриваемого кондиционерами лиминального пространства ныряем в нищету портовых кварталов, туда, где Мама Джонс и мальчик Кранки стоят, держась за руки, и ждут.

Дождь застал их врасплох. Космопорт, громадный белый кит, подобно живой горе высящийся над городской подошвой, притягивает строй облаков — сам себе миниатюрная погодная система. Как острова в океане, космопорты локализуют дожди, облачность, а также крепнущую отрасль мини-ферм, лишайником разрастающихся на обширных сооружениях.

Дождь был теплым, дождинки — тучными; мальчик вытянул руку и поймал каплю в чашечку пальцев.

Мама Джонс, родившаяся здесь, в этом многоименном городе от отца-нигерийца и матери-филиппинки, в этом районе во время оно, когда дороги еще гудели, вторя двигателям внутреннего сгорания, а Центральная полнилась не суборбиталями, но автобусами, — Мама Джонс помнила войны и разруху, помнила, как нежеланна была в стране, за которую сражались арабы и евреи, — и смотрела на мальчика с гордостью, готовая защищать его до последней капли крови. Тонкая блестящая пленка, вроде мыльного пузыря, появилась между пальцами Кранки; мальчик источал силу и манипулировал атомами, чтобы со-

здать вот эту штуку, защитную снежную сферу, пленившую единственную каплю дождя. Сфера парила, не касаясь пальцев, совершенная и не подвластная времени.

Мама Джонс ждала чуть нетерпеливо. Она владела шалманом в старом Неве-Шанаане, в пешеходной с давних пор зоне, под самым боком космопорта, и ей пора было возвращаться.

— Пойдем уже, — сказала она не без грусти. Мальчик перевел на нее темно-синие глазищи; эту совершенную синеву запатентовали лет двадцать или тридцать назад, потом геноклиники дорвались до нее, рипнули, хакнули — и теперь перепродавали беднякам за сущие гроши.

Говорят, в южных районах Тель-Авива клиники лучше, чем в Тибе и Юньнани, но Мама Джонс в этом сомневалась.

Дешевле — да, не отнять.

— Он прилетит? — спросил мальчик.

— Не знаю, — ответила Мама Джонс. — Может быть. Может, сегодня и прилетит.

Мальчик снова посмотрел на нее и улыбнулся. Улыбка делала его совсем ребенком. Он выпустил странный пузырь, и тот взмыл из руки вверх: единственная застывшая капля внутри устремилась сквозь дождь к породившим ее облакам.

Мама Джонс вздохнула и с тревогой взглянула на мальчика. Его имя, Кранки, — не имя как таковое. Это словечко астероид-пиджина, перемешавшего старые южнотихоокеанские контактные языки Земли, которые привезли с собой в космос шахтеры и инженеры,

дешевая рабсила малайских и китайских компаний. От старого английского cranky: или брызга, или безумец, или...

Просто чудик.

Человек, делающий что-то такое, чего другие не делают.

На астероид-пиджине это что-то называлось «накаймак».

Черная магия.

Маме Джонс было тревожно за Кранки.

— Он прилетит? Это он?

К ним шел высокий мужчина с аутом за ухом, с загаром, какой получают от машин, и шел он шатко, как бывает с теми, кто не привык к гравитации. Мальчик потянул Маму Джонс за руку:

— Это он?

— Может быть, — сказала она, ощущая всю безнадежность ситуации. Так было всякий раз, когда они с Кранки повторяли маленький ритуал, каждую пятницу перед наступлением шаббата, когда последний груз пассажиров прибывал в Тель-Авив из Лунопорта, марсианского Тунъюня, Пояса, других городов Земли — вроде Нью-Дели, Амстердама и Сан-Паулу. Каждую неделю, потому что мать мальчика перед смертью поведала ему, что отец вернется, что он богат и работает далеко-далеко, в космосе, что однажды он точно возвратится, именно в пятницу, чтобы не опоздать к шаббату, — и позаботится о сыне.

А потом пошла, ширнулась христалётом, вознеслась на небеса в белом пламени — и узрела Господа, пока ей усиленно промывали желудок, но врачи